

Лобков. Лев Рубинштейн: Закон о «резиновых» квартирах будет точно использоваться против личных врагов и врагов власти

Павел Лобков и Лев Рубинштейн — о том, как в России вводится крепостное право и возвращаются мода на стукачество и страх управдома

ТК Дождь, 24.12.2013

http://tvrain.ru/articles/lobkov_lev_rubinshtejn_gosti_iz_prigranichnyh_gorodov_pjut_kof_e_chtoby_vozbuzhdatsja-359445/

Видео

Лобков: Итак, в соответствии с законом о «резиновых квартирах», подписанным президентом Путиным и вводящим управляемое крепостное право на территории России, предлагаю и требую внести поправки в отечественные кинофильмы, слабо отражающие усилия государства в борьбе с фиктивной регистрацией и прибыванием незарегистрированных лиц на территории жилплощади.

Классика – Михалков, «Пять вечеров», главный герой Станислава Любшина, вернувшийся в середине 50-ых годов из Воркуты после многолетних странствий, ну, по фильму – с войны, но мы-то понимаем, откуда, поселяется у некой Тамары Васильевны. И где, спрашивается, сцена посещения иногородним паспортного стола? Под Новый год вам покажут «Иронию судьбы», кощунственно насмехающуюся над новым законом. Женя Лукашин и Надя Шевелева. Не кажется ли вам, что третий сиквел просто украсила бы команда спецназа миграционной службы? А еще в новогодние дни вас ждут «Покровские ворота». И что это за Костик? Почему Костик? Почему в одной комнате со своей тетей? И где, где бдительные соседи? У вас там что, оттепель началась? «Я свидетель со стороны жениха».

Вот это обычный телефон, в 1996 году у меня появился первый такой аппарат. Меня несколько раз отводили в отделение милиции за это, потому что к телефону полагалось иметь разрешение на ношение, как на пистолет. Я знал американцев, которые приезжали в Россию с инвестициями и со своими телефонами. Они оказывались в клетках с проститутками, об инвестициях быстро забывали.

Владимир Владимирович Путин, спасибо вам большое, став премьером в августе 1999, вы одним из первых указов отменили эту бумажку, а еще вы тогда примерно в пять раз сократили список лицензируемых видов деятельности. Расцвели дизайнеры, архитекторы. Кстати, примерно тогда же усилиями моей коллеги Вероники Куцыллы и Конституционного суда из лексики, казалось, навсегда исчезло слово «прописка», но вы изменились.

Убедителен был Президент, когда брезгливо оглядывал во время Федерального послания чиновные массы, заполнившие золотую клетку Георгиевского зала. И как он колебался, отвечая спустя неделю на вопрос ветерана американской журналистики Джил Догерти, а что, собственно, такое традиционные ценности. Теперь ответ есть. Традиционные ценности – это

взаимное доносительство, бдительность. Лучшие качества советского человека и новое крепостное право, безусловно, раскроют эти родовые черты. И чиновные массы в их самом мерзком низовом варианте, которых на слушание послания не допустили, получают закон для прокорма, что так же не чуждо корневым устоям или как там это называется.

Лобков: Когда эта вся история всплыла, что всплыло перед вашим поэтическим взором, с «резиновыми квартирами», с мигрантами и с пропиской?

Рубинштейн: Словосочетание «резиновая квартира» сразу же отсылает к булгаковской квартире, которая была, как известно, резиновой, но она была резиновой в силу возможностей мага, там действительно много чего помещалось, и кого помещала. Жилищный вопрос в том же романе существовал.

Лобков: Да, но, в общем, это времена военного коммунизма.

Рубинштейн: Чуть позже, скорее, НЭПа.

Лобков: Вот сама эта прописка, это же целая эстетика советская.

Рубинштейн: Да, но вообще это рудимент, вы правильно сказали, того крепостного права, которое, так получилось, что никто еще толком не отменял.

Лобков: Я не могу понять, зачем им это надо. Ведь есть мобильные телефоны, Facebook, интернет, невероятная мобильность населения, совершенно другая, такая жидкостная структура общества. И вдруг на это наложить рамку из 1953 года, по-моему, это эстетическое противоречие.

Рубинштейн: Эту ситуацию можно рифмовать с годами моего детства или молодости моих родителей, но никогда история не повторяется буквально. Сейчас будут другие формы принимать, видимо. Но это рудимент того самого, да, когда колхозники не имели паспортов, никуда не могли уехать, когда существовало огромное количество закрытых городов, когда нельзя было из деревни привезти бабушку. То есть ее как-то привозили и прописывали, но это требовало таких усилий, что ней дай Бог. Честно говоря, я тут практической идеи не вижу, практического смысла, а есть метафизическая идея закрепления людей на их местах. Вот и все.

Лобков: Потому что практически это все не применяется. Смотрите, закон о пропаганде гомосексуализма, который вызвал жуткие скандалы.

Рубинштейн: Никакие законы сейчас не применяются.

Лобков: Он не применяется.

Рубинштейн: И не будет, между прочим.

Лобков: И не будет, скорее всего. Еще существует куча законов о защите религиозных чувств – не употребляются. Этот тоже, наверняка, его можно будет обойти ну в два шага.

Рубинштейн: Даже антитабачный не наблюдается, по моим наблюдениям.

Лобков: Может, вас знают, вас узнают, по крайней мере, от станции метро меня никто не отпугивал, хотя на одном из федеральных каналов предлагали – стучите.

Рубинштейн: Желающих стучать не уменьшилось. Эта категория населения стабильна, воспроизводима, она всегда будет. Все эти так называемые законы. Я их называю «так называемыми», потому что большая часть из них элементарно противоречит основному закону, в том числе и с этой пропиской. Я думаю, что они не применяются широко, оно придуманы исключительно для того, чтобы каждого из нас в любой момент за что-нибудь было бы можно прихватить.

Лобков: Я знаю одного гей-активиста, который нарывался на пропаганду и попал-таки к мировому судье, все-таки нарвался. Мировой судья ему выписала какой-то штраф за, что ли, появление в общественном месте с плакатом. Но не по этой статье, потому что когда он спросил: «А почему? Я занимаюсь пропагандой», - «А можно я вас по другой статье возьму?».

Рубинштейн: Прецедентов не было, он не знает, как...

Лобков: Или судье противно.

Рубинштейн: Или так. Причем нынешний судья, как мы знаем с вами, решение не принимает.

Лобков: А команды не было.

Рубинштейн: Команды не было.

Лобков: Хорошо, представить себе, что у меня в гостях дома кто-то задержался, у меня бывают такие истории, бывает, что на несколько дней. Вот я представляю себе, что стучится участковый. Вот у него какой резон стучаться? Свою тысячу получить или что?

Рубинштейн: Участковый постучит, если кто-то постучит. И тоже есть участковый и участковый. Все мое детство прошло в общении с разными участковыми, в основном, это были люди, по моим наблюдениям, не вредные. Их все знали, их все звали по именам, они жили в соседнем дворе. Они иногда приходили и говорили: «Вася, долго на тебя еще будут соседи жаловаться, что ты напиваешься и ночью песни орешь?» или «Ты, Коля, устройшься когда-нибудь на работу?».

Лобков: Мне кажется, что нынешнее поколение все-таки немножко другое.

Рубинштейн: Наверное, но я как-то, с частью, с участковыми, в последнее время меня Господь миловал.

Лобков: Ну вот без прописки вы жили ведь, да?

Рубинштейн: Я без прописки?

Лобков: Никогда? Какой вы законопослушный.

Рубинштейн: Нет, как и многие, когда я женился, я жил у жены, был прописан у родителей. Вообще так многие делали.

Лобков: А не приходили?

Рубинштейн: Нет.

Лобков: Вот у меня как раз была другая история, у моих родителей. Мой отец жил у моей будущей мамы, каждый вечер приходил участковый, это было за городом, он знал, когда последняя электричка. И ровно перед последней электричкой он просил лицам, незарегистрированным в помещении, у них же свой язык, покинуть это помещение, я очень люблю этот язык, освободить жилплощадь. Потом он на последней электричке ехал, чтобы на следующий день после работы приехать обратно и вновь дожждаться. Ну, тогда взятки не брали – это было хрущевское время. Сейчас, как я понимаю, это все создает огромные возможности для расцветания коррупционно-стукаческих талантов у народа.

Рубинштейн: Разумеется, конечно. Я думаю, что если не специально для этого придумано, то все равно как бы для этого придумано. Понятно, что любой закон упирается в коррупцию и в стукачество, для этого и существует. В моей юности разные были эпизоды с этим связанные. У меня мои близкие друзья, братья между собой когда-то жили в огромной коммуналке, тогда это называлось Богдана Хмельницкого около Маросейки. Они были люди молодые, люди холостые, понятно, что у них всегда были гости. Иногда к ним друзья приезжали из Одессы, у них было некоторое количество людей из Одессы. Понятно, что они в принципе держали как-то в уздах, но некоторые постукивали. Однажды до них дошел их участковый, который им как-то благоволил почему-то, потому что нормальный парень. Он говорит: «Ребята, вот какие-то ваши соседи телегу накатали», и дал им почитать. Там было написано, что у молодых людей таких-то, таких-то очень часто бывают гости, некоторые по несколько недель живут, дальше еще с политической коннотацией – некоторые из них приезжают из приграничных городов. Понятно, что в этом поколении это означало подозрение в шпионстве. Это самое страшное – а по ночам они варят кофе, чтобы возбуждаться.

Лобков: И чем кончилось?

Рубинштейн: Ничем.

Лобков: Как Герцен писал, что свирепость русских законов вполне возмещается абсолютным их неупотреблением.

Рубинштейн: Да. Но понятно, что если бы они были отъявленными диссидентами ...

Лобков: Если бы это было в Германии.

Рубинштейн: В Германии нет прописки.

Лобков: Нет, если бы закон такой был принят в Германии, участковый был бы у каждой двери.

Рубинштейн: Ну естественно. Кстати, в той же Германии соседи никогда не пойдут к своим соседям скандалить по поводу шума, они сразу звонят в полицию. Людям с нашим опытом это воспринимается как стукачество – неприятная черта, но они все-таки стучат тогда, когда люди действительно нарушают закон.

Лобков: Там же еще в законе есть масса приятных деликатесов. Например, что человек дома должен иметь документы, подтверждающее право вашего присутствия в квартире.

Рубинштейн: А паспорта недостаточно?

Лобков: Вот паспорт должен быть. Да, то есть вы должны все время жить с паспортом. Я не совсем понимаю, вот приходит участковый проверить, может, ложный донос, я ему должен открывать? По-моему, не обязан да?

Рубинштейн: По-моему, нет. Я бы не открыл.

Лобков: Я не понимаю, и что из этого. Он будет стоять под дверью. Я вообще не понимаю глобального смысла всего.

Рубинштейн: Мы точно знаем, что пускать можно тех, у кого есть ордер.

Лобков: Это мы знаем. Но дальше что? Спецназ миграционной службы, 15 человек? Что они, будут вызывать МЧС и открывать мне дверь? Я не совсем понимаю. Я не могу сказать, что мне страшно, но...

Рубинштейн: Они будут нарушать закон.

Лобков: Не могу сказать, что мне страшно, у меня был такой опыт. Я пошел в паспортный стол, мне нужно было поменять паспорт. Я заодно, если я хочу прописать кого-то, тогда была огромная дискуссия на эту тему, и я спросил, что будет, если я захочу прописать людей. Мне ответили, что не будет этого, потому что начальник паспортного стола не пропустит. Я говорю: «Так это же где-то делается», - «Не ниже, чем где-нибудь в управе. Там своих проводят». То есть закон не работает против тех, которые реально создают эти «резиновые квартиры».

Рубинштейн: Ну да.

Лобков: А для чего это ощущение крепостного права нужно, ведь все же смеются над этим?

Рубинштейн: Кто все?

Лобков: Вот над всеми этими законами народ смеется.

Рубинштейн: Если мы под народом вас с нами понимаем – смеется. А значительная часть народа это как должное принимает, они говорят: «Ну а как же еще? Порядок же должен быть». Раньше был порядок. Совсем недавно меня вез в машине бомбила, такой кавказский человек, а я иногда с водителями разговариваю. Я ему что-то рассказывал, поскольку он сам человек молчаливый – вот эта площадь, Пушкин раньше здесь стоял, а теперь здесь стоит. Он так вежливо, но рассеянно кивает. Потом я ему говорю: «Вот в этой церкви крестили Суворова, в этой церкви венчался Пушкин». Он вдруг открыл уста и сказал: «Раньше вообще порядок был». Вот такая идея, что раньше был порядок. Вообще этот институт прописки порождал в советские годы, в брежневские, я все хорошо это помню. В Москве появлялось много новых москвичей, действительно многие из провинции хотели жить в столице.

Лобков: Были фиктивные браки, по-моему.

Рубинштейн: Совершенно верно. Вот породили такие странные институты, как фиктивные браки. Люди таким образом попадали в столицу, некоторые из них потом очень хорошо устраивались, потому что в Москве можно было хорошо реализоваться. Большой город чем привлекал? Тут можно было затеряться...

Лобков: Фиктивные браки, там за деньги, не деньги, тоже странные отношения.

Рубинштейн: Фиктивные браки за деньги, совершенно верно. Я знал таких барышень, которые этим зарабатывали.

Лобков: Является ли этот закон кирпичиком в здании полицейского государства? По моему ощущению, полицейское государство – это некое государство, где полиция выполняет законы, а вовсе не творит законы. А у нас ведь все будет зависеть от того, хороший участковый, плохой участковый

Рубинштейн: По-моему, вы не правы. Когда полицейский исполняет законы – это признак цивилизованного государства. Полицейское государство – когда полицейский является главным человеком, когда все пронизано полицейским духом.

Лобков: А вообще ситуация, что мы должны готовиться к чему-то, сама по себе является унижительной?

Рубинштейн: Более-менее, да. Но это как внутренне настроишься. С одной стороны, унижительна, с другой стороны, она мобилизует. Конечно, мы живем в том месте и в то время, когда ключевым словом становится слово «сопротивление», мы все сопротивляемся по погодным условиям, климатическим условиям, социальным условиям, произвола милиции, произвола начальства. Мы сопротивляемся, как умеем.

Лобков: Вообще люди, которые уезжают из России, и уезжают в ту же Германию или Америку, они говорят, что там то же самое, только там функции полиции выполняет гражданское общество. Вы сказали, что там стучать. В Америке это называется Neighborhood watch. Допустим, они выгуливают свою собаку несвоевременно. К вам приезжает некая служба защиты животных...

Рубинштейн: Или не там паркуют машину.

Лобков: Или не там паркуют машину. Может быть, это свойство человеческого организма, души, такое свойство природы нашей низменной?

Рубинштейн: Нет, я думаю, что так или иначе у каждого человека, общества, народа есть свои сложившиеся представления о порядке. Вообще всем хочется порядка, это понятно, и нам с вами хочется порядка. Просто везде под словом «порядок» разные вещи понимаются. Для кого-то является беспорядком, что у кого-то кто-то живет, а с точки зрения западного человека беспорядком является, если они ночью шумят или топочут.

Лобков: Или, не дай Бог, человек вынес мусорный пакет, который порвался, это все, это катастрофа.

Рубинштейн: У меня был знакомый, который однажды поселился в маленьком швейцарском городке, и к нему пришли из полиции, правда, очень вежливо, и сказали, что он за калитку выносит мусорный пакет не того цвета, который принят на этой улице. Вот они все на этой улице договорились, что в выходные дни они выносят красные пакеты, а в будние дни – синие, а он путал это все время. И соседи были недовольны, потому что это мешало их эстетическому чувству.

Лобков: Может быть, тогда это хорошо, что в законе есть, что прописка, что все по правилам, ну хотя бы есть бумажка?

Рубинштейн: Прописка вообще нарушает права человека. Ну, где есть прописка?

Лобков: Ну, например, вы прописываетесь в Англии для того, чтобы проголосовать.

Рубинштейн: Это не вполне та самая прописка.

Лобков: Нет. Для того, чтобы проголосовать, вы идете сами в избирательный участок и доказываете, что вы живете в этой квартире на основании счетов за электричество или за газ.

Рубинштейн: Совершенно верно. Если я где-то поселяюсь, я иду просто в полицию и сообщаю, что эту квартиру я снял, или я сообщаю о том, что ко мне приехали гости на месяц. Все.

Лобков: Ведь у нас на самом деле все квартиры сдаются без налогов. Вы, сдавая квартиру свою, допустим, а я сдавал свою квартиру два года. Ой, я тут признаюсь в преступлении, но срок давности уже истек. Это было давно, я абсолютно уверен. Это все было через договор оформлено, но там не было налогов. Получается, теперь я должен человека прописать, зарегистрироваться в налоговой или где-то еще. И московское правительство мне предлагает такую услугу – покупайте патент индивидуального предприятия за 60 с чем-то тысяч рублей в год.

Рубинштейн: Ого!

Лобков: Как вы думаете, многие последуют?

Рубинштейн: Не многие, потому что это глупо. Я вообще-то за то, чтобы быть законопослушными, за то, чтобы налоги платить. К счастью, я не занимаюсь никакой индивидуальной деятельностью, за меня всегда платят налоги те, кто меня нанимает на работу.

Лобков: Нет-нет, сдать квартиру – вы индивидуальный предприниматель.

Рубинштейн: Нет, я никогда не сдавал квартиру. Я за то, чтобы налоги платить, только если они будут создавать такие условия невыполнимые, понятно, что никто этого не будет выполнять. Значит, это опять же делается все в угоду коррупции. Значит, кто-то будет что-то сдирать. Этот закон, про который мы сейчас говорим, я не думаю, что он будет всерьез и тотально использоваться. Он будет использоваться в том случае, если по совершенно другим мотивам и причинам, этого человека надо прищучить.

Лобков: Или к нему надо прийти.

Рубинштейн: Или к нему надо прийти.

Лобков: Помните эту историю с Левичевым и болгаркой?

Рубинштейн: Да.

Лобков: Ведь там тоже были признаки чего-то, и тут же болгарка вступает в силу.

Рубинштейн: Это не будет носить тотальный характер, потому что у нас законы не...

Лобков: Но когда будет нужно, болгарка...

Рубинштейн: Именно. Я думаю, этот закон в ряду прочих, чтобы каждый человек был уязвим.

Лобков: А вы боитесь?

Рубинштейн: Нет.

Лобков: Я тоже почему-то нет, но ведь все начинается с мелочей, сначала мы к этому привыкаем, потом против этого не протестуем, потом мы с этим внутренне соглашаемся, потом мы находим отходные пути, потому что мы знаем, кому дать, с кем подружиться или кому занести. Потом начинается коньячный-конфетный период взаимоотношений с властью, а потом, как убеждают нас многочисленные мемуары ...

Рубинштейн: В ЖК с шоколадкой, да?

Лобков: Да. Многочисленные мемуары жертв сталинских репрессий, о конфетно-коньячном периоде вдруг забывают все, потому что идет жесткая команда. Тогда ничего уже не действует, и к вам приходят те, кто должен прийти, и вы открываете дверь, и у вас в кровати участковый.

Рубинштейн: Да, и протягиваете руки для наручников.

Лобков: Ну, или распахиваете кошелек для взятки, что сейчас актуальнее.

Рубинштейн: Ну да. Все проблемы надо по мере поступления решать. Мне почему-то кажется, может, я легкомыслен или излишне оптимистичен, что чем больше сознательных людей... Мы должны помнить, что у нас есть закон, у нас есть Конституция, многие из думских законов последнего времени, я не юрист, но по моим бытовым представлениям, они все неконституционны. Эти законы по возможности, как мне кажется, просто игнорировать, потому что все равно они не для законопослушных граждан, они для них самих, для полиции, для спецслужб, чтобы было на законном основании легче и проще преследовать людей.

Лобков: Когда Владимир Путин начинал только свою деятельность в качестве премьер-министра, он отменил разрешение на ношение мобильного телефона. Это было великим событием. Я одному, прошу прощения, менту говорю, который пытался отвезти меня в кутузку, потому что я на улице стоял с телефоном, ну не было у меня этой бумажки с собой.

Рубинштейн: Я этого периода не застал.

Лобков: Я ему говорю: «Тебе-то какой интерес?», такая была ламинированная бумажка небольшая – Россвязьнадзор, разрешение на пользование мобильным радиотелефонным устройством.

Рубинштейн: Я, честно говоря, от вас сейчас узнал, что такое было.

Лобков: Так вот я спросил его, а он мне: «А ты знаешь, мы троих привели в участок, пробрили их, оказалось, что один в розыске». Плохо, что Путин отменил-то, оказывается. Понимаете, тут придет, и у него палочка появится.

Рубинштейн: А если бы наоборот оказалось, что один не в розыске, а в ФСБ, у них были бы неприятности.

Лобков: Бывает и такое. Вы согласны со мной, что чем больше этих репрессивных законов, тем бессмысленнее они?

Рубинштейн: Абсолютно. Я вообще как-то комически к ним отношусь. Надо жить, как живешь вообще.